

Владимир Василенко

Прокл Харум

Владимир Василенко

Прокл Харум

<https://litres.ru/74282137>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главные события повести происходят в конце 1979 – начале 1980 года. Вокально-инструментальный ансамбль, организованный в выпускном школьном классе учителем пения, в тайне от всех, включая своего руководителя, собирается исполнить на восьмимартовском концерте композицию английской рок-группы.

Владимир Василенко

Прокл Харум

1

– «Музыка баха» – это такой стиль игры на органе обеими руками: бах!.. бах!.. бах!..

– Садись, Петров, – Вилейские Волны на сцене актового зала развернулся к пианино лицом...

– ...Знаешь, что он играет?.. – из-за спины наклонился ко мне Петров... – «Прокл Харум».

– Что за «Прокл Харум»? – шепнул я на ухо сидевшему рядом Михайлову.

Тот пожал плечами...

Первую неделю учебного года появившийся у нас новый «пеник» был Радецким: весь урок в актовом зале мы под его руководством прохлопали и протопали «Марш Радецкого». Прикольно. Даже с учетом того, что на следующем уроке, при сравнении «Амурских волн» с «Дунайскими», нашего топота-хлопота не потребовалось (а Радецкий стал Вилейскими Волнами, уже навсегда)...

Выходя после этого нашего так называемого «пения», мы столкнулись с Лидб, вероятно, под впечатлением Баха, со скрещенными на груди руками в холле у дверей актового зала смотревшей куда-то сквозь нас.

Пятый концерт – это обход Богом безлюдных владений... местности без нас... уже... или еще... а скорее, не существующих (даже в виде деревьев), а всего лишь внимающих: слух сам по себе.

Вилен Владленович – в принципе, выговариваемо, но... Так что: Вилейские Волны. Вилейские Волны...

А «A Whiter Shade of Pale» – попытка существования. «Воздух на струне соль» из Третьей сюиты краешком в эту вещь залетел, как в смотрящие на Обходящего владения, в которых и возникает голос. Именно таким он и должен быть, возникающий: скрипяще-, почти каркающе-неуверенным от неверия исполнителя в собственное существование... Именно такой и должна быть вся эта вещь: фанданго... бред... вращение зала... «Она с лицом прозрачным / ставшим белым, словно мел»... Фанданго, если заглянуть в словарь, – танец-дразнилка: женский флирт на фоне мужской романтики...

Конечно, надо бы начинать с Пятого. Начинать приучать следует, обескураживая. Устраняя кураж существования. Подавая Обход владений в чистом виде... Это всё Петров со своим: «Бах!.. бах!.. бах!..» Захотелось быть поближе к этому придурку. К существованию... с его вечным налетом придурковатости... начиная с моего имени-отчества...

«Вилен Владленович, правда вы “Прокл Харум” играли?» Что ж... если качество английской телефонной связи 60-х превратило кота Procul Harun в «Procol Harum», почему б этому самому коту у нас не стать Проклом... Скорее всего, Петров слушал запись, где ведущий объявил название группы, и качество этой записи, как я имел возможность убедиться, не лучше той телефонной связи. Пластинок с названием в наших краях – днем с огнем не сыщешь... Так же маловероятно, чтобы он, Петров, был знаком не с аудио-, а с видеозаписью выступления, о которой говорил Аркадий. По утверждению Аркадия, его привезенный из Англии видеомагнитофон – единственный на весь город. Надо учитывать, однако, что, как нарочно, работа предка Петрова связана как раз с Королевством Великобритания...

Лидб... Лидб... Те же дела: в названии венецианского острова ударение на первом слоге, но откуда этим троглодитам о том знать? Ну, хотя бы связали с венецианским кинофестивалем – и на том спасибо. Связь с кинофестивалем налицо. С любим.

3

Зима – самое подходящее время для формирования рок-группы под видом «придания классике современного звучания». Это всё Вилейские Волны с его неудовлетворенностью нашим школьным пианино: на уроке у восьмиклашек (мы-

то, слава богу, теперь в девятом, и «пение» наше – уже в бесконечно далеком прошлом)... посреди урока, как сам он рассказывал, начал Пятый концерт Баха и бросил... А Петров заразил его мыслью о безграничных возможностях Пана Тыквы в радиоэлектронике.

– Так что? В принципе осуществимо?.. – мы обступили нашего музыкального бога, вопросительно глядящего на трудовика, ведущего у нас электродело (мы – это Петров, Михайлов и я, при таких двух друзьях, естественно, «Харламов»).

– Хаммонд-орган... Хаммонд-орган... – уставился Пан Тыква в разрисованный узором трещин потолок мастерской... – Понты. Ионика!..

– Погоди... – растерялся Вилейские Волны... – Бах на ионике?..

– А-а!.. Нужен солидняк?.. Ты ее принеси. Ионику. Джона Лорда с Рэем Манзарекком не обещаю, но покопаться можно...

– А почему Хаммонд-орган понты? – спросил я у Пана Тыквы по уходу Вилейских Волн.

– Это ты, Харламов, у Фила Эспозито спросишь: та́-та́-та́, та-да-та́-та́-та́... – пропел он хоккейно-канадский (перед вбрасыванием шайбы) органный проигрыш...

(Наш школьный психологический «хоккей» сводился к тайному обмену учителей своими и нашими кликухами и открытой их перед нами демонстрацией своей осведомленно-

сти.)

– Спрошу. И всё же?

– Разница между электричеством и механикой тебе о чем-нибудь говорит?.. Что, «прибавление проходили, а сложение не проходили»?.. В органе Хаммонда колебание создается крутящимися у звукоснимателя фоническими колесами с разным количеством зубцов и частотой вращения, а синхронный электродвигатель колес управляется трансформатором с ёмкостной связью. Усёк?

– А в ионике все это делает электрический осциллятор! – просиял на фоне нашего с Михайловым невежества Петров.

– А ты не такой уже и придурок...

С появлением ионики уроки и школа были забыты: сразу после звонка с последнего урока наше «хоккейное звено нападения» наперегонки несло в подсобку Пана Тыквы, с неизменным своим «понты... понты...» ковырявшегося в принесенном Вилейскими Волнами инструменте. Кстати, о Джоне Лорде и Рэе Манзарике наш трудовик-электротехник понятие имел поверхностное: как мы узнали в ходе этих совместных посиделок, с музыкальной электроникой Тыкву доставал сынуля, наш ровесник, в своей школе уже организовавший ВИА, поигрывающий на школьных вечерах.

– Готово!.. – Пан Тыква аккуратно вытер тряпочкой руки... – Это вам не понты... Получайте ваш солидняк...

От заполнившего подсобку тяжелого воя мы втроем, зажимая рты, полезли под стол!.. а от короткого, ёмкого, в один

слог, резюме мастера изо всех сил сжали ребра руками: мало было, чтоб он нас в этот момент не видел, – главное, чтобы не слышал...

4

Ну, покуривал, да. И в смеси того, что я читал, что смотрел и что слушал, вызревало настоящее, не связанное с прошлым и будущим. Нет, оно, это настоящее, не было свифтовским островом в небе – вокруг была обычным образом покидаемая и выплывавшая из-за горизонта земля времени... но происходящее прямо сейчас, на моих глазах, говорило: это не на земле... Таким же необычным, как эти мои фразы, было и само происходящее. Иначе мою уверенность просто нечем было бы объяснить. Кто мог что-либо гарантировать бросающему учебу ради карьеры поэта-песенника? А ведь главная там, на земле, движущая сила – это гарантии. С гарантированной тою же землею могилой.

От последней мысли я рассмеялся. «You've turned a whiter shade of pale»... Гай думал, что сказал это на вечеринке Дайане. Нет, не Дайане – стоящему к ним плечом и ухом (никогда не знаешь, кому говоришь на самом деле)...

А сейчас этот «стоящий» – ухом к кому?..

Покуривал. Но не до «белее бледного». А сейчас, на подступах к «Whiter Shade» – вообще ни-ни! Имея дело со следствиями, причины надо отбрасывать. И первую из них – самого себя. «Битлы» и «Роллинги» – замечательно, и вся вол-

на вслед за ними как специально под меня подгадана – этот музыкальный взрыв интеллекта, подхватившего сделанное отцами-основателями и «Роллингами» с «Битлами»! Но и девятый вал – всего лишь вал со своим неизбежным спадом, если это – не... всемирный потоп?.. Всемирный... в котором «я» словесное и «я» музыкальное видны через что-то другое, а слова и музыка – друг через друга. Каким образом? Таким, каким клавиши под пальцами Гэри видны сквозь меня, а мои появляющиеся на бумаге каракули – сквозь него: ни то, ни другое не отстает, не обгоняет. Синхронно. Главное, что в этом, одном на двоих, рождается, – музыкально-словесная фраза поверх Баха, на вершине своей соединенности продолжающая расти уже через каждого из нас в свою сторону...

Никаких «я»! Ни в музыке, ни в тексте! Это... с чего у нас с Гэри началось... может прожить долго, стать залогом чего-то большого, и именно из-за отказа от «я», от исповедываемого отцами-основателями (и всеми прочими) помещения себя в центр композиции: мир крутится вокруг меня, а когда ты крутишься под это мое – вокруг тебя! Вот этот перенос слушателя на место исполнителя, отождествление его с кумиром, растворение в произведении как в происходящем прямо сейчас с ним самим – палка о двух концах. Сегодня всем этим забит эфир! Но... тем ли он забит?.. Чем это принципиально отличается от живописи и литературы, «эфир» которых забит одним, а в лучших мировых галереях и библио-

теках царит совершенно иное.

«Стала белее мела»... Где здесь «я»?.. В этой фразе бесполезно искать себя... В ней: та, что побелела... тот, на чьих глазах... и тот, чей мел, – мельник, чья мука преодолевается в пользу прозрачности... в которой ничего, кроме подступающего главного, не остается в силу того, что ничего другого двое друг с другом сделать попросту не в состоянии... вот он – бросок сквозь прозрачность на дно... «So we crash-dived straightway quickly / And attacked the ocean bed...» – появляются под моей рукой строчки финала... Но... что же к нему привело... к финалу?.. Что произошло?.. Свидетелем чего я стал, стоя ко всему этому плечом... ухом?..

5

Где обычно встречаются два учителя из облцентра среднерусской полосы, отработавшие в одной и той же школе, соответственно, пятнадцать лет и полгода? Разумеется, на лестнице перед Алупкинским дворцом. Где ж еще?..

– А признайтесь, London is not a capital of Great Britain, – глядя снизу вверх, «поздоровался» я (группа с нашего ялтинского катера догнала группу с катера мисхорского). – На таком расстоянии от школы можно. Сказать наконец правду.

Это мое предложение отрешиться от среднерусской полосы было принято. Во дворец мы входили друзьями.

День прошел замечательно. Дворец был отодвинут на зад-

ний план обратным ялтинским катером, ставшим мисхорским. Мой послепляжный (этот ее купальник!) волейбол на местной любительской площадке (мои Адидасы-кроссовки, виват Аркадию – прямиком из Англии!) померк в сумеречном блеске площадки танцевальной. И всё затмили в редких фонарях вырастающие до небес деревья, под которые мы всплыли парой наплававшихся за день, натанцевавшихся голубков: понимание того, что до Ялты во тьме не дойти даже по Царской тропе, вернуло поближе к дороге с ее нет-нет да и показывавшимся автобусом.

– Не думал, что существуют девушки, за которыми не угнаться в море. Такое ощущение, что и в танце ты плаваешь... Да и я... тоже... рядом с тобой... И вообще... тебе не кажется, что всё, что после пляжа – море... а суша – то, в чем мы плавали?..

– Двадцативосьмилетние.

– ?

– Двадцативосьмилетние девушки.

– Ну, слава богу. Всего каких-то пятнадцать лет. Разницы. Я думал больше.

– А я думала меньше.

– И теперь... когда точки над *i* расставлены...

Она отвернулась. С улыбкой.

Но чем дальше – тем меньше оставалось от этой улыбки... тем сумрачнее даже под фонарями делалась эта полуторачасовая (один автобус мы пропустили) прогулка... тем дальше

разводило нас какой-то незримо встающей между нами волной (о моей руке на ее плече не было уже и речи). Так, что и я уже начал мысленно подгонять «очередной свой» автобус... Слава богу, в конце концов показавшийся. Но ситуации не спасший: она на весенних, а я на летних каникулах – от греха подальше мы перевелись из одной школы в другую.

6

Затеявший все это, упросивший за нас отца Петров сам опоздал безбожно, а тут еще и Михайлов, проехавший в своем трамвае нужную остановку, размахивая руками, целую вечность бежал к нам под задумавшимся снежком!..

– А нас не попрут?.. – скидывая в темной прихожей пальто, спросил я.

– Страхните на лестничной клетке, – вместо ответа остановил нас с Майклом, разоблачающихся, Тигренок Петрик... Патрик... на импортной куртке которого снег почему-то отсутствовал...

Мы так бы и проторчали в дверях позади всех, если бы в темноте не различили в последнем ряду на противоположном краю гостиной пару свободных стульев возле неплотно освоенного дивана. За этим последним рядом, слава богу, вжимаясь в стену, можно было протиснуться...

– Извините... – вдавленный в диванное пространство нацелившимися на стулья Майклом с Патриком, не отрываясь

от экрана, на толщину (тоньшину) своего зада как можно деликатнее потеснил я «диванных»: на экране на чистом английском ведущий шоу возвещал нечто для меня недоступное, завершенное коротким, с оттенком удивления («как это может быть?... а вот так!...»):

– А?.. «Прокол Харум»!..

Под приглашающий жест ведущего и жиденькие аплодисменты из-за кулис гуськом вышли объявленные, кто с гитарами, кто в плащах (один – не просто в черном, чернее ночи, монашеском, а еще и с надвинутым на лоб капюшоном!)...

Уже за установкой ударник дважды прошелся дробью по барабанам... (по моей груди)... и под посвистывание усилителя, подстраиваемого гитаристом в светлом пиджаке, по спине моей растекся озноб...

Ударник, повернув голову, глянул на партнера, и одновременно с первым ударом зазвучал орган... под аккорды которого, наклоняясь на каждый такт, гитарист в светлом повел свою партию... Совершенно неожиданно вступивший голос принадлежал сидевшему за роялем – неровный, неуверенный, на верхах близкий к пределу-скрипу, голос скорее походил на голосовую заготовку, так же как и песня, – из того и другого когда-нибудь: то ли возникнет современный, сегодняшнейший вокал... то ли он же, современный, провалится в тартарары... вместе со всей современностью... На припеве камера наконец выхватила «черного» органиста – в профиль, с закрытым капюшоном лицом, играющего (вдруг показалось)

бесконечно свое, не связанное с прочим... Покатившее после второго органного проигрыша это самое «бесконечно свое» наконец проняло: открылась соединенность несоединимого – органной арбы, катящей меж небом и землей... тарелок, баса, гитары, рояля, поющих за кадром о земном... и мелодичного, с высокой ветки, карканья, разносящегося в пространстве...

...Уже зажгли свет... уже отец Патрика с хозяином квартиры и видеокассеты хлопотали со своими видеками JVC, завершившими процесс перезаписи («Прокол Харум» шел на кассете в самом конце)... уже счастливики-зрители повставали со стульев, и Майкла с Патриком не было рядом... а я все еще был не здесь...

Очнувшись под обращенным на меня взглядом, просящим меня с дивана на выход, я с идиотской улыбкой поднял глаза... То, что я прочел на лице Лидо, ответом на мою улыбку можно было назвать весьма условно...

7

Фанданго... сублимация объятия... русалочья грусть в лице белее мела... – вот как Мельник проявляет в пустоте тех, кто ему нужен для того, чтобы сильнее или нежнее, или одно в другом – он один знает... Обхаживая пару, смотрит сквозь мел, изводя обоих этим, все ближе, сведением друг с другом вызывающих друг у друга тот единственный вид недо-

умения, что способен обернуться желанием внутреннего – этого, в глазах напротив – мира, когда делаешься не волен в себе, теряя все, в чем жил до сих пор.

Слишком реальная видимость танца, ранящая... в очередь ли, одновременно... но – не танцующих... и не горизонтально, а так же, как и свела в пару – с этой, изначально сквозь всё просвечивающей так, словно не для них, а для кого-то киношных, загадкой броска на дно сквозь обладание и смерть... Главное, что всё это дает им, отстраняет и вдохновляет – чувство, что всем этим живут сейчас не они...

Зачем?..

Ради третьего – наполовину ребенка, наполовину Мельника. Отсюда страсть-небытие, страсть-табу и все прочие истинные виды страсти – от этого «наполовину», в котором каждый наполовину-ты. Роман. Рана. Свет сошелся клином переворачиваемых страниц: одна непременно накроет другую... Один непременно сломает другого. Тем, что живет в реальном мире...

...Теперь осталось заполнить всем этим – заполнить им пустоту между зачином и финалом (одно дело – вслепую плыть по течению, бог весть существующему ли вообще, и другое – исполнившись водами океана, стать рекой):

Танцевальная невесомость (появляющееся в тексте: «на полу») с уходом плоскости – из-под ног («болезнь морская»), окружающих – из виду («кричат “еще”»), а подливающего («официант принес») – из сознания («потолок улетел»)...

От растущего безмолвия («Мельник кончил свой рассказ») – вот от чего лицо ее перерождается («at first just ghostly / Turned a whiter shade of pale»): не сначала... не сначала «словно призрак»... – это момент затягивания партнера по танцу якобы в призрачный, на самом деле единственно истинный мир... в котором Мельник уже молчит – безмолвное предложение, «озвученное» танцором: чем же еще оно может являться (и всегда является) как не предложением. Отменой речи... расклада... приличий... – заменой суммы условностей безусловностью...

She said «there is no reason» / And the truth is plain to see... Говорит (отвечает на предложение) в одно... Смотрит в другое... Не сходя туда, во что говорит (на берег) из-под пьющих ее взгляд его открыто-закрытых глаз...

She said, «I'm home on shore leave»... Услышав от не ускользающей, не весталки: «Я дома в отпуске на берегу», – так легко и естественно, «схватив за зеркало ее», изобличить обведшую Нептуна вокруг пальца ради всего, чем кончаются эти фанданго!.. But she smiled at me so sadly / That my anger straightway died. «Забываешь, мой друг, где и кто мы, оставляя меня там одну...»

Где?..

Там, где смех правит пищей любви, так никем и не названной «музыкой»... Где грязь не узнаёт, насколько грязна, потому что чиста чистота... Где перед тобой то, что сзади, а от головы – только рот... Вот постель океана.

«Ужас»: дрожь, зубы стучат...

«Horror»: беззвучный ор!..

Но почему чувство становится именно этим словом, ничего, по сути, не передающим?..

Horror – всё сразу!.. одним «а»: а-а-а!.. Ужас – змеиное «ж...» и «с...», заглатывающие «у...» и «а...».

А на деле?.. Тихо, без букв, несовместимое с тобой. Переход в него. Не исчезая. Что-то, что не просто можно выдержать, а что и есть то, для чего глаза. В чем содержание четырех этих: у... жэ... а... эс... – растворяется. Как растворяется, обесмысливаясь, любое слово в самом себе при повторном его проговаривании: становится смешным оно само, его несоответствие называемой вещи и наконец – сама вещь...

Осваивая переход – живешь. Начинаешь жить. Понимаешь, что же имелось в виду под этой вербальностью. Узнавая: действительно – «имелось» «в виду» при снисхождении в этот вид. А теперь, при восхождении из него, возвращается владельцу тем же самым имуществом, доступным языку словами с праиндоевропейскими корнями *gi- и *leip-. «Придерживаться»... невесомости... а не гравитации... жить... to live...

В отличие от второй сигнальной, в первой – одно означает другое. Вторая – закабаление. Опутывание сетью-невидимкой смысла, со смертью впереди, ничего кроме себя не озна-

чающей. «Смерти нет...» Вот этой, с обступающими могилу и сыплющейся сверху землей, вот именно ее – не существует. Так?.. «Да не-е-ет... имеется в виду: в духовном плане...» В духовном плане нет не смерти, а этой вот жизни...

Одно означает другое. И никакого ужаса.

В одном – ты во время прогулки под южными, сквозь кипарисы, звездами дотерпливаешь до того, что из тебя полчаска льется под причитания хозяйки мисхорского жилья о твоём сумасшествии: что, нельзя в парке в туалет заскочить?! ты знаешь, чем это может кончиться?! – разрывом пузыря!

В другом – все это в принципе невозможно. Возможно само другое... без тени терпенья... стеснения... приличия... неприличия...

Я обвела взором комнату...

9

«Достаточно взглянуть, чтобы понять»...

Любимая фраза брата. Народный писатель. Народ.

Носящийся по школе народ. По звонку выскакивающий из-за парт! Толкая двери – в коридор!.. Достаточно взглянуть на летящих прямо на тебя, чтобы понять: бандит... раб-ботяга... красавица... замарашка... алкоголик... доктор наук... жена... брошенка... И все – мещане: повыскакивавшие из своих классов на свет, весь этот коридорно-оконный свет радостно пересекающие по пути из одной вечной тьмы в дру-

гую жители города, места. Кто и когда навел на это слово несмываемую тень: «мещане»?.. На каждом из этих летящих по коридору лиц – солнце...

Лучше это броуновское движение переждать в своем кабинете...

Ну, и что ты понимаешь, взглянув?.. Какое такое «всё»?.. «Тортилла». Смотрящая на тебя из зеркала. А на остальных – по выходу из этого самого кабинета с табличкой на двери «Завуч». Любое слово стирается повторением. «Тортилла»... «Тортилла»...

Любимая его фраза родилась в моем на него взгляде. А не наоборот. Это я смотрела на него так. Пока не стал Народным.

На кого еще я так смотрела?.. На того, кого сменил спущенный сверху «завхоз»...

Завхоз и Тортилла.

Директор и завуч.

Да, школа, прежде всего, – хозяйство. Не поспоришь. Но хозяин – «сморкач» – ?.. (В этом самом хозяйстве каждый чих разносится по всем закоулкам, а слухи собираются со всего света, включая малую родину сверху спущенного, помнящую детские прозвища... «Все мы хлопцы городские, только с разных деревень»)...

Вот и получили... «Я вам даю кусочек своего сэрга, или куды его?!»... «В школе опасный преступник: кто-то зламал вунитаз!»... «Хлопцы, пастражыцесья. Пабрэйце зады»... «В

университет не паступайце – там адни дураки вучацца. Я знаю, у меня там дачка»... «Траву они памяли. А хоть одно дерево они посадили?!» (о продемонстрированном в актовом кинозале «Ромео и Джульетта»... с затемнением сцен, разумеется)... «От вас сегодня так приятно духами разит»... Ходят за ним, записывают (самое ужасное – что и ученики)...

Но завхоз от бога...

Взглянуть и все понять особенно наглядно довелось, когда эта парочка осчастливила своим появлением. Да, пришли к нам на разных каникулах, не одновременно... Примерно с тем интервалом, с каким покидают под ночь учреждение шифрующиеся сотрудник с сотрудницей... Ей эта роль дается легче... Он тоже держится... Что ж, с предметами у них проблем нет (вчера прислушалась из-за дверей – в актовом кинозале: «Я вчера огорчений и тревог не знал», что-то, кажется, из современного... в лингвокабинете: «We are not afraid of big bad wolf», классика...). И слава богу.

Слава?.. Ну, если «Тортиллы» в зеркале тебе мало... При чем тут Тортилла... «Взглянуть, и все понять» было?.. или не было?.. Еще раз: что ты видела?.. Подходящий к остановке автобус. Тыходишь в заднюю. Они – в переднюю... в среднюю... Они?.. Или все же отдельно Лидо, отдельно Харламов?.. Внутри же потом – сплошные спины и головы...

Когда школьный бассейн сдавали, еще не наполнили – комиссия приемная с вышки прочла, размашисто, ногою по пыли через все дно выведенное: «Вилейские волны»...

Не певший и не игравший на инструментах Кит Рид не просто входил, но и считался входившим в состав «Procol Harum» (считаться – больше, чем просто входить).

Из его интервью журналу «Uncut»: «Я все время писал. “A Whiter Shade of Pale” была лишь одним из кипы текстов. У меня была фраза “a whiter shade of pale”, с которой все началось, и я знал, что она станет песней. Это как пазл, когда у тебя есть один фрагмент, а затем ты складываешь все остальные, подбирая их один к одному... Я смотрел много французских фильмов в Академии на Оксфорд-стрит. Сильное впечатление на меня произвели “Pierrot Le Fou” и “Last Year in Marienbad”. Вы можете провести параллели между поворотами сюжета и настроением этих французских фильмов и “A Whiter Shade of Pale”. Меня также привлекал сюрреализм – Магритт и Дали... Из музыкантов наибольшее влияние на меня оказал Дилан. Я смог понять, как он играл словами».

Текст «A Whiter Shade of Pale» Кит Рид также связывал с атмосферой «Сладкой жизни» Феллини: свободная аристократическая вечеринка с разносящими алкоголь официантами, с привлекающей внимание окружающих танцующей парой: «Я пытался создать настроение, а не просто рассказать прямолинейную историю о том, как девушка бросает парня.

Потолок улетал куда-то, комната гудела все сильнее – мне хотелось нарисовать картину происходящего... Это, наверное, похоже на декадентскую сцену. Но тогда я был слишком молод, чтобы знать, что такое декаданс». Рид говорил, что текст этой песни был создан под влиянием книг, но отрицал, что был тогда знаком с «Кентерберийскими рассказами» Джеффри Чосера: «Я в жизни не читал “Рассказа Шкипера”. Может быть, я знал это подсознательно, но я точно не собирался цитировать Чосера, ни в коем случае».

Будь здесь ключевыми словами: «девушка бросает парня» и «ни в коем случае» – никто б из слушателей «A Whiter Shade of Pale» не лишился бы покоя от ее неоднозначности. На самом деле ключевым в приведенных словах Рида является единственное: «подсознательно» – в то, что обозначается этим словом, и погружался автор проявляемой им в 1967-м картины, впоследствии затягивающей в себя всех приближающихся к ней под музыку дивящегося своему авторству Баха: расступаясь, картина эта позволяет увидеть «Кентерберийского» пьяного бледного Мельника («The Miller that fordrunken was all pale»), вдруг возникающего, когда идущий по кругу черед повествования уже переходит к Шкиперу – почему лишь тогда? – потому что именно в этот момент «Whiter Shade» подходит к припеву с его разоблачением ситуации: «Мельник кончил свой рассказ – / И она – с лицом прозрачным, / Ставшим белым, словно мел». На изнанке «морской болезни» партнера по танцу и возникает

Мельник с непрозвучавшей, но услышанной ею скабрёзностью (вместо уха – лицом): так вот оно что... фанданго – иллюстрация «Кентерберийских», игнорирующий все прочие рассказы переход от замолчавшего Мельника к повествованию Шкипера...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.